

— Тебе лучше? Лихорадка никак не проходит, и непонятно, от чего она!

В его голосе звучала тревога и сожаление. Мысль о том, что не стоило брать его с собой, не раз возникала в голове. На самом деле, изначально он хотел просто побыть с этим человеком наедине, но не ожидал такого исхода...

— Я... кашель. Ничего, это старое. Забыл тебе сказать, напугал тебя. Не переживай, как только этот жар пройдет, все будет в порядке.

Его голос был хриплым, а горячее дыхание ощущалось совсем рядом. В сердце Янь Юаньшу смешались разные чувства. Он осторожно обнял его сзади.

Хуа Сюй на мгновение застыл, желая отстраниться, но Янь Юаньшу произнес:

— Не уходи. Дай мне обнять тебя. Впервые в жизни я так сильно кого-то полюбил. Видя, как ты страдаешь от жара, а здесь душно и тесно, в моей голове уже промелькнуло несколько мрачных сценариев. Но я ничего не могу сделать. Ты болен, а я бессилен... Мне тяжело, просто дай мне немного утешения, позволь обнять тебя, совсем ненадолго...

Его голос звучал пусто, особенно в темноте. Хуа Сюй видел его радостную улыбку раньше, и теперь, сравнивая, понимал, что он действительно страдает. Его сердце смягчилось, и, немного помолчав, он похлопал его по руке:

— Со мной все в порядке, не переживай. Через шесть часов жар сам спадет.

Чувствовать заботу было приятно. За последние пятнадцать долгих лет он всегда справлялся со всем в одиночку. Ночью, просыпаясь, он ощущал только холодные простыни и одинокую подушку. Но теперь за его спиной было теплое тело, на которое можно опереться. И хотя вокруг была тьма, она казалась ярче дня.

Как будто не желая видеть его разочарование, Хуа Сюй улыбнулся и, к своему удивлению, пошутил:

— Я только боюсь, что ты ошибся в своих чувствах. Когда появится девушка, с которой ты пойдешь по жизни, ты вспомнишь этот момент и почувствуешь неловкость...

Обнимающая его рука сжалась сильнее, и он быстро ответил:

— Нет! Нельзя смотреть вперед, думая о будущем. Если я сейчас говорю, что люблю тебя, это не ложь, и в будущем я не пожалею. Думаю, ты все еще не веришь мне...

Его голос то повышался, то понижался, словно он был обижен. Тепло, которое он дарил, все еще согревало Хуа Сюя. Будь то чувство вины или желание компенсировать что-то, он поднял руку, чтобы коснуться источника этого тепла, но в этот момент раздался грохот, и дверь открылась, впуская яркий свет...

Хуа Сюй зажмурился, чувствуя головокружение, и поднял руку, чтобы прикрыть глаза.

Янь Юаньшу, словно почувствовав что-то, с беспокойством посмотрел на его пальцы.

Вошел все тот же тощий Цинь. На мгновение он выглядел удивленным, держа в руке кнут:

— Что с вами? Вы все в крови, но я же вас не мучил!

Поняв, что ложь вот-вот раскроется, Янь Юаньшу быстро встал:

— Не носи чушь. Вы держали нас здесь, чтобы сыграть в игру «сначала ударь, потом дай сладость». Так что теперь быстренько организуйте нам еду и питье. И знай, если с этим человеком что-то случится из-за жара, вся ответственность на тебе!

Старик фыркнул, закатил глаза и поманил стоящих позади людей:

— Ты, я смотрю, сообразительный.

Несколько человек подошли, чтобы помочь, но Янь Юаньшу не дал им прикоснуться, грубо оттолкнув их руки:

— Не беспокойтесь, боюсь, если вы еще на пару недель закроете меня, я не выживу.

Тощий Цинь пошел вперед, почесывая ухо, словно ничего не слышал. Янь Юаньшу, потирая усталые глаза, заметил, что они поднимаются вверх. Оказалось, что каменная темница действительно находилась под землей. После долгих поворотов они вышли на поверхность и обнаружили себя в комнате. На столе, покрытом шелковой скатертью, стояли разноцветные закуски и сладости, чай и вино, и все необходимое для трапезы.

Когда их привели, тощий Цинь вышел за дверь и без эмоций произнес:

— Внутри есть горячая вода и чистая одежда. На столе еда, делайте, что хотите. Завтра господин обсудит с вами дела конного двора Юаньфан.

Янь Юаньшу уже не знал, как реагировать на все это. Не дожидаясь, пока тот закончит, он громко захлопнул дверь.

— Я понял этих мерзавцев. Что за проблема — поговорить по-человечески, вместо того чтобы мучить нас?

Хуа Сюй, увидев солнце, немного оживился. Он даже улыбнулся и сказал:

— Он просто хочет запугать тебя, чтобы ты был более сговорчивым, когда начнутся переговоры.

— Мечтать! Лучше убейте меня!

Янь Юаньшу откинулся на спинку стула, глядя в потолок, с бесстрастным лицом.

— Похоже, моя жизнь никогда не будет спокойной. Знал бы я, что так получится, не стал бы тогда убегать.

Хуа Сюй наливал себе чай, но, услышав это, остановился, и чай пролился на стол. Янь Юаньшу очнулся, забрал у него чайник:

— Я сам. Садись, я посмотрю, что там сзади. Ты сначала хочешь помыться или поесть?

За эти несколько дней Хуа Сюй успел изменить свое мнение о нем. Это уже не был тот хитрый торговец чаем, а человек, полный тепла и заботы. Но эти слова снова напомнили ему о тех мыслях, которые он пытался подавить. Именно этот человек ушел от своего отца, солгал, чтобы покинуть городок Юаньфан, и даже взял нефритовую подвеску, которую отец дал ему... И с тех пор, как Ван Шунь заговорил о небесных знамениях и человеке перемен, он знал, что письмо

было ложью. Если слухи распространились так широко, то в конном дворе Юаньфан не было никаких интриг. С самого начала это был только он, желающий уйти.

— Сначала помоюсь.

Он не хотел много говорить, опираясь на ширму, и направился назад. Янь Юаньшу, видя, что он шатается, хотел поддержать его, но тот резко оттолкнул его...

Он не ожидал такого отказа и, ошеломленный, едва удержал равновесие, ухватившись за ширму. Ширма была хрупкой, и под его весом она упала назад с громким стуком. На задней полке разбилась фарфоровая ваза.

— Ты...

Янь Юаньшу, спотыкаясь, встал, все еще в недоумении. Но он не смог продолжить. Взгляд Хуа Сюя был холодным, словно они никогда не были знакомы. В его сердце возникла непонятная тяжесть. Что происходит? Все только начиналось...

Он растерянно моргнул, а затем отряхнул одежду:

— Ладно, иди. Я тут пока перекушу.

Хуа Сюй ничего не ответил, просто развернулся. Улыбка Янь Юаньшу сразу же исчезла. Глядя на стол, уставленный деликатесами, он не чувствовал аппетита. Рука, которую он укусил, ныла, но он не хотел смотреть на рану. Оказалось, он не такой уж и стойкий, как думал. Он не мог справиться с разочарованием... Он думал, что после того, как они пережили трудности вместе, их отношения станут ближе, но оказалось, что это не так... Он винил его за то, что он создал проблемы? Не похоже. Только что он видел его улыбку. Так в чем же дело?

Сзади слышался слабый звук воды, изредка прерываемый. Янь Юаньшу, лежа на столе, чувствовал холод. Он думал, что, прожив почти тридцать лет, он не будет страдать от неуверенности, но жизнь снова его ударила...

Когда Хуа Сюй вышел с полувлажными волосами, он увидел Янь Юаньшу, наливающего себе вино. У него от природы были слегка приподнятые уголки губ, и даже когда он не улыбался, его лицо выглядело как картина. Сейчас он сидел с нахмуренным лбом, явно о чем-то беспокоясь.

На самом деле, Хуа Сюй уже пожалел, когда встретился с ним взглядом. Что бы этот человек ни делал раньше, за эти две ночи его забота была искренней. Просто он не умел выражать свои чувства, и извинения не могли слететь с его губ. Поэтому он налил себе вина и чокнулся с его бокалом.

Янь Юаньшу уже был пьян, но держался хорошо. Говорили, что сын дома Янь был от природы повесой и мог выпить тысячу чашек и не опьянеть, но это было преувеличением. Те, кто знал его, давали ему только легкое вино, никто не осмеливался предлагать крепкие напитки. Но здесь его не знали, и благодаря этому он смог напиться.

Увидев, что над его головой поднимается легкий пар, Янь Юаньшу заподозрил, что он тоже из другого мира. Он потрогал его прядь волос и с удивлением спросил:

— Почему от тебя идет пар? Ты тоже из другого мира? Почему, когда я пришел, этого не было...

<http://bllate.org/book/16872/1555059>